

1.2.1. Литература как запечатление социального опыта

Своеобразие позиции Переверзева по этому вопросу четко вырисовывается, если сравнить ее с теорией Плеханова — родоначальника марксистской социологии искусства. Плеханов выделил в рамках своей знаменитой «пятичленки» особую ступень посредничества, названную психологией общества⁷, охватывающую такие явления, как «окружающая среда»⁸, «образ жизни»⁹, «вкусы и склонности»¹⁰, «душевные настроения» или «обычаи»¹¹. Хотя первый русский марксист неоднократно подчеркивал важность этих сфер для определения содержания искусства, он все же решился на историко-философское обоснование социологии искусства. Плеханов в конечном счете исходил не из самого искусства, но использовал его для доказательства преимуществ марксистского метода. Психология играла в этом контексте третьестепенную роль: «Когда соц<иальный> элемент отходит на задний план, действуют психологические законы»¹².

Психологический же момент недооценивался. Пока Плеханов определял «социологический эквивалент» искусства, он прибегал к нему лишь в рамках второго акта анализа — эстетической оценки произведений, «формы», под которой подразумевал психологическую упаковку идей. Переверзев же порвал с недооценкой психологии в социологическом исследовании литературы. В его концепции социальная психика стала стержнем понимания литературы: литературное творчество, по Переверзеву, «сводится к воспроизведению свойственного данной форме жизни поведения, которое иначе называется психологией, характером»¹³. То, что у Плеханова еще причислялось к форме, у Переверзева превратилось в самое содержание искусства. Эти изменения сопровождались поворотом к вопросам специфики литературы и заметной деидеологизацией литературоведения.